

**«ЦАРЕВНА У НАС УРОДА!»:
СЮЖЕТ И ОБРАЗНЫЙ МИР РУССКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ «БЕЗРУЧКА» (СУС 706)¹**

В статье на примере сказки «Безручка» (СУС 706) рассматривается репрезентация инвалидности в русской фольклорной традиции. Для народного мировоззрения физическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделённых особыми сверхъестественными способностями. В то же время инвалид представляет собой опасность для окружающих, поскольку его инвалидность может быть наказанием за грехи.

Устранение инвалидности в большинстве случаев связано с Богом, святыми угодниками или Божьей Матерью. Они помогают человеку вернуть зрение или слух, реже ликвидировать отсутствие конечностей, излечиться от паралича, неврологических и психических заболеваний. В большинстве фольклорных жанров именно инвалидность указывает на связь с «иным» миром и на наличие каких-то особых способностей. В сказке «Безручка» особые качества героини, её соответствие эталону, правильность выбора царевича и повышение социального статуса подтверждаются именно устранением инвалидности.

Ключевые слова: русская волшебная сказка, история происхождения сюжета, репрезентация инвалидности.

Сказка на сюжет СУС 706 относится к ядру русского сказочного репертуара. Согласно указателю сюжетов «Восточнославянская сказка» [29], зафиксировано около 50 русскоязычных вариантов данного сюжета. Отметим, что в указатель не попали тексты, опубликованные после 1979 г., некоторые публикации в региональных изданиях и архивные публикации. С привлечением этих записей число вариантов существенно увеличивается.

Данный сюжет всегда привлекал внимание исследователей [44; 42; 43; 12, 78–90; 14, 43–65]. История сюжета связана со сказками из «Книги тысячи и

* Варвара Евгеньевна Добровольская — кандидат филологических наук, заведующая сектором нематериального культурного наследия Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова (Москва, Российская Федерация); dobrovolska@inbox.ru

¹ Грант РГНФ 16-01-00145 (проект «Репрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья») / Грант РФФИ № 17-01-00001 «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями в России».

одной ночи». В 347-ю ночь Шехерезада (Шахразада) рассказывает персидскому царю Шахрияру сказку о женщине с отрубленными руками. Этот же сюжет позднее разрабатывался западноевропейскими средневековыми легендами. Ряд исследователей полагает, что этот мотив бытует и в средневековой европейской литературе, однако это не всегда так. Например, считается, что сюжет, аналогичный русской сказке, есть в «Кентерберийских рассказах» Д. Чосера [36]. Однако рассказ юриста о Констанце не является сюжетным типом СУС 706. В нём отсутствует мотив отрубания рук молодой женщины, привязывание к ней ребёнка, чудесное устранение инвалидности у колодца. На протяжении всего текста героиня сохраняет физическое здоровье. В данном случае представлен сюжет об оклеветанной жене, который встречается в ряде сказок, например в СУС 707 («Чудесные дети»). В нём героиню с ребёнком бросают в бочке в море или, как у Чосера, сажают в лодку без руля, но не отрубают руки. У Чосера эпизод ложного обвинения и изгнания героини повторяется: в первый раз её изгоняет мать султана, а во второй — мать короля Нортумбрии Алла. Несколько иной случай мы наблюдаем в «Приятных ночах» Дж. Страпаролы [30]. Четвёртую сказку первой ночи о кознях Тебальдо, князя Салернского, также принято относить к сюжету СУС 706. Однако и в этом случае Дораличе не отрубают руки. Этот текст использует два других сюжетных типа, связанных с мотивом потенциального инцеста отца героини. Основная канва сюжета наиболее близка к разновидности СУС 706С «Терпеливая Елена». В сказках этого типа девушка, противясь желанию отца-вдовца жениться на ней, убегает из дома, становится женой королевича и рождает ему ребёнка. Отец героини убивает внука, подкидывает окровавленный нож дочери, за что ту изгоняют из дворца. В сказке ей обычно удаётся оживить ребёнка, вернуть любовь мужа и раскрыть коварство отца. В литературном варианте оживление ребёнка оказывается невозможным. Для русской традиции данный сюжет не зафиксирован и в восточнославянской традиции он известен по белорусскому и украинскому материалу. Мотив «сокрытия в шкафу» в русской сказочной традиции реализован в другом сюжетном типе СУС — 510В* «Золотой фонарь». В этой сказке царь-вдовец также хочет жениться на собственной дочери, но она скрывается в золотом фонаре, который потом оказывается у царевича, женой которого она и становится. На русском материале сюжет представлен единственной записью 1893 г. [23, № 118–125], которую сделал П. Семёнов в станице Слепцовой. Таким образом, текст Дж. Страпаролы ошибочно рассматривается как один из литературных вариантов «Безручки». Ещё один текст, традиционно рассматриваемый как литературный вариант фольклорной сказки СУС 706, — это «Пента-Безручка» из сборника «Пентамерон» Дж. Б. Базиле [2]. Данный текст действительно представляет сюжет СУС 706, хотя и с определёнными особенностями, отсутствующими в русской традиции. Так, у Базиле брат героини хочет на ней жениться, и, стараясь избежать кровосмешения, героиня отрубает себе руки сама.

Самые известные европейские фольклорные варианты сказки «Безручка» — это четыре текста из сборника братьев Гримм [42, 69–72, 455–456]. В вариантах из Цверна, Падерборна и Мекленбурга присутствует мотив инцеста, а вот в тексте из Гессена он отсутствует. В немецких вариантах очень важным оказывается момент излечения девушки. Инвалидность мо-

жет исчезнуть после того, как деревья вокруг лесной хижины вырастают настолько, что для того чтобы их обхватить, у героини должны вырасти руки. Другой вариант сходен с русской версией — героиня опускает обрубки в воду или переплывает реку, и руки отрастают заново. Ни в одном из немецких вариантов нет мотива. Надо отметить, что в немецкой традиции довольно сильно проявляется элемент божественного чуда: девушку сопровождает ангел, небесный свет указывает ей путь и т. п.

Русский вариант «Безручки» связан с «Повестью о царевне Персике» [4, 16–25; 33, 267–274]. Как отметила В. Д. Кузьмина, в «Повести...» автор «стремится подчеркнуть напряжённость любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности... охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи... и модной галантной лексики». Всё это способствует созданию произведения, которое из «легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование» [16, 449–452].

Вероятно, именно это стремление к «любовно-авантюрному повествованию» и сделало сказку «Безручка» одним из самых популярных сюжетов в русском сказочном репертуаре.

Большую роль в любви к этому сюжету сыграл и образ главной героини — невинно оклеветанной девушки, лишившейся рук по навету жены брата.

Сказочники любят свою героиню и с большим сочувствием описывают её лишения и беспомощность.

Сострадание сказочников к оклеветанной девушке понятно. Она становится беспомощным инвалидом. Для русской фольклорной традиции инвалидность человека, а не мифологического персонажа, может быть своеобразным знаком. Физический недостаток рассматривается как результат проклятья или нарушения запрета [39, 79–89; 40, 594–596]. В религиозной фольклорной прозе инвалидность становится результатом некоего неправильного поступка [1, 306–316] или святотатства [7, 76–88; 8, 500–512; 37; 32, 132–136; 17, 177–185]. Болезнь, вызванная неправильным поведением, обычно неизлечима. Так, в ряде вариантов сюжета о девушке, танцевавшей с иконой, помимо мотива о том, как она окаменела, есть и мотив освобождения от стояния (иногда это делает безгрешный отрок, сын священника, иногда святой Николай, явившийся в образе старичка). Девушка вроде бы оживает, но становится инвалидом: у неё психические расстройства, она не может нормально ходить, говорить, её бьют судороги и т. д. Обычно нечестивица после физического излечения быстро умирает, поскольку в процессе наказания страдает её духовная сущность: «Стала танцевать. Пригласила шесть пар, а её седьмой-то, Николай, не придёт. Так она сняла икону Николая и начала с ним кружиться. Раз прокружилась — какой-то ветерок. Второй раз прокружилась — сильный ветер. Третий раз прокружилась — вихрь в избе. И она окаменела. Стала середь избы, как статуя... Никого, никого, никого не подпускали. Никаких митрополитов, никаких. Только один старичок пришёл. Его допустили, чтоб её снять с этого места, а пришёл это Никола земляцей. Вот, это Никола пришёл и её снял... Вот Чудотворец... “Что, — говорит, — натамцевалась? Тебе, — говорит, — только жить до Благовещенья”. И потом уж, конечно, молились, отпевали» [34, 281–282].

Физический недостаток может рассматриваться как наказание за грехи самого человека, его родителей или предков: «Ваня поехал венчаться со второй женой. Он обманул батюшку, что детей нет. А у него два сына, они в Сиухе... У него с этой женщиной народилась девочка без глаз. Сколько она жила — не знаю. Она умерла, эта девочка» [34, 274]. Инвалидностью наказывают человека за разрушение церкви. Довольно часто в этом случае недуг прямо соотносится с тем ущербом, который нанесён церкви. Так, сбросивший колокол — лишается языка, отбивший «уши» (проёмы, за которые подвешивают колокол) — становится глухим, разрушавший церковное здание — страдает от разбившего его паралича¹. Аналогично, человек, который открыл церковь для разграбления, становится инвалидом (теряет, например, подвижность руки, которой он открыл дверь в храм). В таких случаях человек обычно живёт долго, испытывает необыкновенные мучения как физические, так и моральные. В данном случае инвалидность становится своеобразным средством, направленным на осознание своего греха и определённым предоставлением времени на его отмаливание: «Ну, сами руки не накладывали, чтобы утпереть, и пришли к старосте церковному. Там староста был, кличи были у него в церкви. Он не отпирал. Потом ещё много раз ездили. Потом приехали последний раз, он им и говорит: “Вот давайте я самый первый возьму, что есть в церкви, чего мне надо в церкви”. Ему разрешили. Он только подошёл к церкви-то — у нас ограда была высокая, голубая — как подошёл, как только отпер церковь, его и перекинуло через ограду. У него и рука отнялась. Рука отнялась и нос свёз... И он долго жил. Всё каялся...» [34, 283]. Но героиня сказки никаких злодейств не совершала: она не убивала любимого пса, коня и ребёнка брата; она не разоряла его хозяйство; она не вела разгульный образ жизни в его отсутствие. Но жена брата приписывает ей злодейства, которые совершает сама.

В данном случае инвалидность сказочной героини близка к восприятию физического ущерба как знака определённой избранности и мученичества. Болезнь рассматривается как некий знак избранности, указание на принадлежность человека к группе «знающих». В этом случае инвалидность — это некое указание на то, что это не совсем обычный человек, что он связан с «иным миром», наделён особыми, сакральными знаниями. Именно к нему в случае необходимости будут обращаться за помощью и советом.

Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками и так далее. Такое отношение закреплено в пословицах: «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т. д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «божьи люди», необычный внешний вид (различные телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу [15, 187–199; 31, 200–217; 37, 247–254; 10, 95–105; 9, 137–152].

Безусловно, Безручка воспринимается именно как такая знаковая героиня, отмеченная, избранная. Она стойко преодолевает страдания, выпавшие на её долю, не ропщет на судьбу (а в ряде вариантов на Бога). Она покорна воле

¹ Поскольку церковь понимается как мистическое Тело Христово, то разрушение этого тела карается физическим недугом, связанным с нарушением функционирования тела человека-святоотца.

брата и мужа. Доказательством её избранности отчасти является и рождение ею чудесного ребёнка — сына, у которого «по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, по косицам часты звёзды, во лбу солнце, в затылке месяц» [21, № 1]; или: «... в комнаты засияло — такой сын родился. Во лбу солнце пекёт, в затылке месяц. А по косицам мелки звёздочки рассыпаюца, а за ушмы зори замыкаюце» [28, № 47].

Брат отвозит сестру в лес и обычно отрубает ей руки по локоть. В некоторых вариантах он наносит сестре и более серьёзные увечья: «... отсёк сестре руки да ноги, и оставил ие так в ясу, а сам и уехал домой» [13, № 73]; или: «Вот приехали они в лес, к синему морю; взял брат отрубил одну руку сестры, отрубил другу, отрубил обе ноги по колено, оставил ей подорожников, а сам уехал домой...» [21, № 1]. Иногда нанесённый ущерб ограничивается только пальцами или кистями рук: «Размахнулся, одним взмахом отрубил ей пальцы» [20, 70–77]; или: «Положила она руки на пень; он по кистям обсёк» [21, № 39], но и это делает героиню инвалидом и человеком, не соответствующим получаемому социальному статусу царевны: «Царевна у нас урода — без рук» [20, 70–77].

Героиню постоянно называют красавицей: «Глянул — она красавица. Краше нету» [19, № 37], «А она была такая красавица, что зрел бы на неё, смотрел, очей не сносил» [21, № 39], — но подчёркивают при этом её физическую ущербность: «Она была красивая девушка, только у неё не было рук» [5, 260–261]. Безручка вызывает жалость и сострадание героя (и самого сказочника): «А сам плачет, рыдает, потому что ему так жалко: такая хорошая девушка — и вдруг без рук!» [22, № 126].

Несоответствие красоты и немощности также является знаком избранности героини. Для мужского персонажа, например в сказках «Неумойка» (СУС 361) или «Незнайка» (СУС 532), ситуация иная: психическая неполноценность, нарушение общепринятых норм поведения скрывают истинный облик героя. Другие угнетаемые женские персонажи скрывают свою красоту под лохмотьями и грязью или их заставляют её скрывать. В рассматриваемой сказке героиня не скрывает свой истинный облик, её красота, так же как и её болезнь, видны окружающим. Но здесь ярче, чем в других сказках, инвалидность героини используется сказочниками как средство характеристики других персонажей. Царевич, несмотря на увечья, женится на Косоручке, его родители жалеют девушку, получив подложное письмо, они плачут, жалеют внука и невестку, «казнить рука не поддаётся» [19, № 37].

Иногда, родители выступают противниками героини: «... родители без него и вздумали свезти её назад в лес и положили на старое место» [21, № 39], но их злодеяние способствует излечению девушки, а сын наказывает их за преступление «... Он повесил их на ворота и расстрелял» [21, № 39]. Надо отметить, что сказочники одобряют в этом случае поведение царского сына, поскольку он оказывается поборником справедливости.

Обычно Безручка скитается по лесу, который в данном случае выступает как некое пограничное пространство, но в ряде случаев героиня может оказаться в царском саду. Сад, несмотря на то что это часть рукотворного, освоенного человеком пространства [11, 5–18], в данном случае это тоже пограничное пространство, периферия «этого» мира. Девушка с отрубленными руками становится персонажем некоего чужого мира по отношению к

царскому сыну. «Неправильная» царская невеста с точки зрения окружающих становится единственно возможной невестой. Недаром юноша говорит: «Благословите — женюсь, не благословите — женюсь» [21, № 39]. В данном случае её инвалидность становится знаком правильного выбора царевича.

Не имея возможности сорвать в саду яблоки, девушка надкусывает их прямо на ветке: «...захотелось ей поесть, она яблочки надкусывала: сорвать ей нельзя, рук нет» [35, № 22]. Этот вариант текстологически сходен со сказкой «Das Mädchen ohne Hände» (№ 31) [42, № 31] из сборника Братьев Гримм: «Подошла она к дереву и съела одну грушу прямо с дерева, не срывая, чтобы утолить свой голод, и ни одной не тронула более» [6]. Известны и другие аналогичные варианты: «Хочется ей сорвать яблочко, да нечем; она протянула шею да и ртом прямо с дерева, с веточки и сорвала яблочко, накушалась, отошла от яблони и в тени другого дерева легла отдохнуть» [23, № 14]; или «Ходит она по саду и своим ртом ошшипывает яблочки» [3, № 72]. Иногда беспомощность девушки, невозможность сорвать и съесть яблоко описывается иначе: «...хочется яблочков сорвать, а нельзя. Плечиком потрясла яблоню, прижала яблоко коленом и ест» [27, № 64].

Отметим, что мотив, связанный с яблоками в саду, встречается и в другом русском варианте. В сказке, записанной В. И. Чернышёвым, девушка выходит замуж за царского сына, рождает ребёнка и, гуляя с ним по саду, смотрит на яблоки. Это провоцирует её на обращение к Господу со словами: «...если бы у меня были руки сорвать яблочко для меня и для моего детища» [26, № 11]. Просьба услышана, и «тут у неё вдруг и отросли руки». Ещё в одной сказке героиня заходит в сад, ложится под дерево и «ждёт, когда упадёт яблоко, потому что у неё нет рук» [22, № 125].

Именно в этом саду её находит добрый молодец, с которым они идут туда, где лежат отрубленные руки, именно там она «приложила свои руки к кистям, и случилось такое чудо: её отрубленные руки приросли». Аналогичный пример есть и в другом тексте из этого же сборника: «Ну, рук-то у неё нет. Хотела она яблоко съесть. А как она может руками достать и поднять? Вот она легла под яблоню и лежит, ждёт, когда ей яблоко в рот упадёт» [22, № 126].

В немецкой сказке девушке помогает ангел: «И стала она на колени, и обратилась к Господу Богу с молитвою. И вдруг явился ангел с небес <...>. Вот и направилась она в сад, и ангел пошёл за нею следом...». В русских вариантах ситуация иная. Девушка справляется со своей бедой относительно самостоятельно, а мотив божественного чуда исцеления появляется в конце сказки и связан преимущественно с обращением героини к Богу. Просьба может и отсутствовать, как например, в тех случаях, когда героиня встречает своего будущего мужа в саду.

Чаще чудесное исцеление происходит у водного источника или связано с водой. Несчастная женщина возвращает себе прежнее физическое состояние без всякой просьбы к высшим силам: «Подошла к реке, пить захотелось. Наклонилась, оперлась култышками, встала, а у неё руки выросли» [20, 70–77].

Более типична другая ситуация. Женщину с отрубленными руками выгоняют из дома вместе с новорождённым ребёнком. Она оказывается в пустынной местности, мучается от жажды и, увидев колодец, наклоняется к воде и роняет ребёнка. В ряде вариантов женщина просит Бога, «чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо свершилось — руки явились;

она вытащила сына» [18, № 280]. Иногда процесс описывается как некий долгий магический акт: «Легла она на берег и стала плакать: “Кабы были у меня рученьки, али бы я своего бладеньча не вынула!” Вот вдрук выросли у ней руки, да нет пестиков. Вот опять стала плакать, пощё пестиков нет... Опеть у её и пестики выросли, да не гнучья. Вот и опеть плачет, залеваается горячими слезами, пощё пестики не гнучья... Ну вот стали у её и пестики гнучья, она и поймала бладеньча» [3, № 72]. В некоторых вариантах героиня слышит голос и даже вступает с ним в беседу: «И она стала молиться богу, и вдруг ей послышался голос: “Испей, ничего не будет”. И она стала пить, и вдруг у её вылетел ребёнок в воду, и она тогда закричала: “Господи! Если бы я знала, я бы лучше не стала пить, потому что я утопила своего ребёнка”. А ей обратно слышится голос: “Бери ребёнка из воды”. — “Я бы взяла, да у меня рук нету”. — “А ты бери своими папоротками”. И когда она опустила обрубленные руки в воду, то вдруг у неё приросли руки, и она взяла своего ребёнка» [24, № 22].

В большинстве вариантов руки у героини вырастают из обрубов. Но в некоторых текстах отрубленные руки прирастают на место: «...а голос слышно: — Зайди в воду. Вон руки-те плывут! Она зашла, видит руки к ней плывут и прямо прильнули к окомелоцкам» [19, № 37].

В ряде вариантов Косоручка, уронив ребёнка в колодец, просто плачет. В этот момент рядом появляется некий старичок, который велит ей: «Поди нагнись, возьми его». Женщина объясняет, что у неё «рук нет — одни локоточки», но старичок проявляет настойчивость, и женщина опускает свои обрубки в колодец; и в этот момент происходит чудо — «ей господь и пожаловал — очутились целые руки» [18, № 279] или «Протянула она к сыну одну руку, за ней другую, смотрит: оби руки целы, будто и не были отрублены» [23, № 14]. Иногда вместо таинственного старичка появляется Николай Угодник: «Идёт старец — Никола, угодник божий» [18, № 282]. Но, бывает, что в роли спасителя выступает пастух, указывающий ей колодец и велящий ей, когда она роняет туда ребёнка: «Не бойся, сунь руки в колодец!» [25, № 56].

Устранение инвалидности становится окончательным подтверждением особых качеств героини, её избранности.

Для народного мировоззрения физическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделённых особыми, сверхъестественными способностями. В то же время инвалид представляет собой опасность для окружающих, поскольку его инвалидность может быть наказанием за грехи.

Устранение инвалидности в большинстве случаев связано с Богом, святыми угодниками или Божьей Матерью. Они помогают человеку вернуть зрение или слух, реже ликвидировать отсутствие конечностей, излечиться от паралича, неврологических и психических заболеваний. В большинстве фольклорных жанров именно инвалидность указывает на связь с «иным» миром и на наличие каких-то особых способностей. В сказке «Безручка» особые качества героини, её соответствие эталону, правильность выбора царевича и повышение социального статуса подтверждаются именно устранением инвалидности. Физический недуг всегда ликвидируется чудесным способом. Им может быть волшебный предмет — вода, но для данного сюжета в большинстве вариантов это божественное чудо — дар Бога за терпение и

смирение. В отличие от христианских легенд в сказочных текстах помощь Бога и святых связана не столько с христианским вероучением как таковым и верностью христианским догматам, как в немецких вариантах сказок или как в «Повести о царице Персике», а скорее с категориями добра и зла как таковыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова С. Н. «... Ну посыпать ей глаза»: Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М.: РГГУ, 2014. С. 306–316.
2. Базиле Дж. Б. Сказка сказок, или Забава для малых ребят. СПб., 2016 («Мировая классика»).
3. Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Иваново, 2015. № 72 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 7).
4. Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царице Персике // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999. С. 16–25
5. Гончарова А. В. Золотые зёрна: сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. С. 260–261.
6. Гримм Я., Гримм В. Полное собрание сказок: в 2 т. / Перевод с нем. и предисловие Э. Ивановой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
7. Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2 / Сост. В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.
8. Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Т. XXX. Материалы и исследования / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.
9. Добровольская В. Е. Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великодержавии // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия / Сост. О. Г. Севан, Г. В. Судаков. Вологда: Легия, 2000. С. 137–152.
10. Добровольская В. Е. Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов; отв. ред. С. П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. С. 95–105.
11. Добровольская В. Е. Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов // Семантика леса и сада в русской литературе и фольклоре. М., 2017. С. 5–18.
12. Елеонская Е. Н. Некоторые замечания о роли загадки в сказке // Этнографическое обозрение. 1907. № 4. С. 78–90.
13. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1997. № 73 (STU-DIORUM SLAVICORUM MONUMENTA. Т. 12).
14. Зуева Т. В. Рождение сказки (АТ 706). // Фольклор и литература. Проблемы их творческих взаимоотношений. М., 1982. С. 43–65.
15. Иванова А. А. Легенды о прозорливых Уржумского края // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 187–199.
16. Кузьмина В. Д. Источник повести о царице Персике // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1958. Т. 14. С. 449–452.

17. Мороз А. Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Учёные записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.
18. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. М., 1985.
19. Озаровская О. Э. Пятиречье. СПб., 2000 (Полное собрание русских сказок. Довоенные собрания. Т. 4).
20. Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. М., 1969. С. 70–77.
21. Русские сказки и песни в Сибири. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии. 1902 и 1906 гг. СПб., 2000. Т. 2 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 3).
22. Самоделова Е. А. Сказки Центральной России в конце XX — начале XXI века: в записях Е. А. Самоделовой и друзей-фольклористов. Тексты. Рязань, 2013. Т. 1.
23. Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. XV Отд. 2. С. 118–125.
24. Сказки И. Ф. Ковалёва. М., 1941 (Издание Государственного литературного музея. Кн. 11).
25. Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986 (Памятники фольклора Карелии).
26. Сказки и легенды Пушкинских мест // Записи на местах, наблюдения и исследование члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышёва. СПб., 2004.
27. Сказки и несказочная проза. М., 1998 (Фольклорные сокровища Московской земли).
28. Сказки Терского Берега Белого моря / Изд. подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970.
29. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979 (СУС).
30. Странарола Дж. Приятные ночи. М., 1978 («Литературные памятники»).
31. Фадеева Л. В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 200–217.
32. Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 123–126.
33. Фёдорова М. С. К вопросу о типологии женских образов в литературе первой половины XVIII века (На примере «Повести о царевне Персике») // Славянский вестник. 2014. Вып. 1–2. С. 267–277.
34. Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А. Н. Караулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общ. ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород: Растр-НН, 2013. С. 281–282 // Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 1.
35. Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. № 22 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 6).
36. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2012 («Литературные памятники»).
37. Шеваренкова Ю. М. Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 247–254.
38. Шеваренкова Ю. М. Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. статья и коммент. Ю. А. Шеваренковой. Нижний Новгород: КиТиздат, 1998.

39. Ясинская М. В. «Света белого не видеть...» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79–89.
40. Ясинская М. В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы / Отв. ред. М. Л. Ремнёва. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 594–596.
41. Daumling H. Studie uber den Typus des «Madchens ohne Hande». München, 1912.
42. Grimm Brüder. Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Mit einem Anhang sämtlicher, nicht in allen Auflagen veröffentlichter Märchen und Herkunftsnachweisen herausgegeben von Heinz Rölleke. Band 3: Originalanmerkungen, Herkunftsnachweise, Nachwort.
43. Schlauch M. Chaucers Constance and accused Queens. N. Y., 1927.
44. Поповић П. Приповетка о девојци без руке. Београд, 1905.

REFERENCES

1. Amosova S. N. «...Nu posypat' ej glaza»: Motiv nakazaniya slepotoj za rabotu v neurochnoe vremja [“Well, sprinkle her eyes”: Motive for punishment of blindness for work at an inopportune time] // Sila vzgljada: Glaza v mifologii i ikonografii [The power of a look: Eyes in mythology and iconography] / Отв. ред. и сост. D. I. Antonov. М.: RGGU, 2014. С. 306–316.
2. Bazile Dzh. B. Skazka skazok ili Zabava dlja malyh rebjat [Fairy tale of fairy tales or Fun for little children]. SPb., 2016 («Mirovaja klassika»).
3. Velikorusskie skazki Vjatskoj gubernii. Sbornik D. K. Zelenina [Russian fairy tales of Vyatka province. Collection of D. K. Zelenin]. Ivanovo. 2015. № 72 (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevoljucionnyye sobranija. T. 7).
4. Volkova T. F., Chuprova G. V. K izucheniju Povesti o carevne Persike [To the study of the Tale of Princess Peach] // Tradicija i literaturnyj process [Tradition and literary process]. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM SO RAN, 1999. S. 16–25
5. Goncharova A. V. Zolotyje zerna: skazki, legendy, predanija, memuarne rasskazy Tverskogo kraja [“Golden Grain”: tales, legends, legends, memoirs of the Tver region]. Tver': Russkaja provincija. 1999. S. 260–261.
6. Grimm Ja., Grimm V. Polnoe sobranie skazok [Complete collection of fairy tales]: V 2 tomah / Perevod s nem. i predislovie Je. Ivanovoj. М.: OLMA-PRESS, 2002.
7. Dobrovol'skaja V. E. Neskazochnaja proza o razrushenii cerkvej [Oral histories about the destruction of churches] // Slavjanskaja tradicionnaja kul'tura i sovremennij mir [Slavic traditional culture and the modern world]. 2 / Sost. V. E. Dobrovol'skaja. М.: GRCRF. 1997. S. 76–88.
8. Dobrovol'skaja V. E. Neskazochnaja proza o razrushenii cerkvej [Oral histories about the destruction of churches] // Russkij fol'klor [Russian folklore]. T. 30. Materialy i issledovanija / Отв. ред. А. N. Rozov. SPb.: Nauka, 1999. S. 500–512.
9. Dobrovol'skaja V. E. Termin «mestnochtimyj» v fol'klornoj tradicii Severnoj Velikorossii [The term “locally venerated” in the folklore tradition of Northern Great Russia] // Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tret'ego tysjacheletija [Culture of the Russian North on the eve of the third millennium] / Sost. O. G. Sevan, G. V. Sudakov. Vologda: Legija. 2000. S. 137–152.
10. Dobrovol'skaja V. E. Narodnye predstavlenija o koldunah v neskazochnoj proze [Folk beliefs about sorcerers in folk oral histories] // Muzhskoj sbornik. Vyp. 1: Muzhchina v tradicionnoj kul'ture: Social'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhs-

- kaja atributika i formy povedenija. Muzhskoj fol'klor [Male collection. Issue. 1: A man in traditional culture: Social and professional statuses and roles. Strength and power. Masculine attributes and forms of behavior. Male folklore] / Sost. I. A. Morozov. Otv. red. S. P. Bushkevich. M.: Labirint, 2001. S. 95–105.*
11. *Dobrovol'skaja V. E.* Les vs sad v russskoj volshebnoj skazke: sjuzhethnaja funkcija lokusov // *Semantika lesa i sada v russskoj literature i fol'klore.* M., 2017. S. 5–18.
 12. *Eleonskaja E. N.* Nekotorye zamechanija o roli zagadki v skazke // *Jetnograficheskoe obozrenie.* 1907, № 4, S. 78–90.
 13. *Zelenin D. K.* Velikorusskie skazki Permskoj gubernii. SPb., 1997. № 73 (STUDIO-RUM SLAVICORUM MONUMENTA. T. 12).
 14. *Zueva T. V.* Rozhdenie skazki (AT 706). // *Fol'klor i literatura. Problemy ih tvorcheskih vzaimootnoshenij.* M., 1982. S. 43–65.
 15. *Ivanova A. A.* Legendy o prozorlivyh Urzhumskogo kraja // *Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki.* Vyp. 3 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 187–199.
 16. *Kuz'mina V. D.* Istochnik povesti o carevne Persike // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury.* M., L., 1958. T. 14. S. 449–452.
 17. *Moroz A. B.* Ustnaja istorija russskoj cerkvi v sovsckij period (narodnye predanija o razrushenii cerkvej) // *Uchenye zapiski Rossijskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova.* Vyp. 6. M., 2000. S. 177–185.
 18. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva v treh tomah.* T. 2. M., 1985.
 19. *Ozarovskaja O. Je.* Pjatirech'e. SPb., 2000 (Polnoe sobranie russkih skazok. Dovenenne sobranija. T. 4).
 20. *Russkie narodnye skazki. Skazki, rasskazannye voronezhskoj skazochnicej A. N. Korol'kovej.* M., 1969. S. 70–77.
 21. *Russkie skazki i pesni v Sibiri. Zapiski Krasnojarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po jetnografii.* 1902 i 1906 gg. SPb., 2000. T. 2 (Polnoe sobranie russkih skazok. Predrevoljucionnye sobranija).
 22. *Samodelova E. A.* Skazki Central'noj Rossii v konce XX — nachale XXI veka: v zapisjah E. A. Samodelovoj i druzej-fol'kloristov. Teksty. Rjazan'. 2013. T. 1.
 23. *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza.* Vyp. XV. Otd. 2. S. 118–125.
 24. *Skazki I. F. Kovaleva.* M., 1941 (Izdanie Gosudarstvennogo literaturnogo muzeja. Kn. 11).
 25. *Skazki Zaonezh'ja.* Petrozavodsk, 1986 (Pamjatniki fol'klora Karelii).
 26. *Skazki i legendy Pushkinskih mest // Zapisi na mestah, nabljudenija i issledovanija chlena-korrespondenta AN SSSR V. I. Chernysheva.* SPb., 2004.
 27. *Skazki i neskazochnaja proza.* M., 1998 (Fol'klornye sokrovishha Moskovskoj zemli).
 28. *Skazki Terskogo Berega Belogo morja / Izd. podgotovil D. M. Balashov.* L., 1970.
 29. *Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov. Vostochnoslavjanskaja skazka / Sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov.* L.: Nauka. 1979 (SUS).
 30. *Straparola Dzh.* Prijatnye nochi. M., 1978 («Literaturnye pamjatniki»).
 31. *Fadeeva L. V.* Rasskazy o blazhennyh i prozorlivyh v Inzenskom rajone Ul'janovskoj oblasti: Katen'ka Pjatin'skaja // *Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki.* Vyp. 3 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 200–217.
 32. *Fadeeva L. V.* Rasskazy o razorenii svjatyni v sovremennoj ustnoj tradicii Pinezh'ja (k probleme specifiky sjuzheta i zhanra) // *Lokal'nye tradicii v narodnoj kul'ture Russkogo Severa / Otv. red. T. G. Ivanova.* Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN. 2003. S. 123–126.

33. *Fedorova M. S.* K voprosu o tipologii zhenskih obrazov v literature pervoj poloviny XVIII veka (Na primere «Povesti o carevne Persike») // Slavjanskij vestnik. 2014. Vyp. 1–2. S. 267–277.
34. Fol'klor Sosnovskogo rajona Nizhegorodskoj oblasti / Sost. A. N. Karaulov, I. A. Fal'kova, K. E. Korepova, N. B. Hramova, Ju. M. Shevarenkova; Pod obshh. red. K. E. Korepovoj. Nizhnij Novgorod: Rastr-NN. 2013. S. 281–282 (Fol'klornoe nasledie Nizhegorodskogo kraja. T. 1).
35. *Hudjakov I. A.* Velikorusskie skazki. Velikorusskie zagadki. SPb., 2001. № 22 (Polnoe sobranie russkih skazok. Rannie sobranija. T. 6).
36. *Choser Dzh.* Kenterberijskie rassказы. M., 2012 («Literaturnye pamjatniki»).
37. *Shevarenkova Ju. M.* Znamenitye blazhennye Diveevskoj zemli // Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki. Vyp. 2 / Otv. red. A. A. Ivanova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. S. 247–254.
38. *Shevarenkova Ju. M.* Nizhegorodskie hristianskie legendy / Sost., vstup. stat'ja i komment. Ju. A. Shevarenkovej. Nizhnij Novgorod: KiTizdat, 1998.
39. *Jasinskaja M. V.* «Sveta belogo ne videt'...» (tema glaz i zrenija v formulah juzhno-slavjanskih prokljatij) // Slavjanovedenie. 2013. № 2. S. 79–89.
40. *Jasinskaja M. V.* Zaprety, svjazannye so zreniem, v tradicionnoj kul'ture slavjan // III Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Slavjanskie jazyki i kul'tury v sovremen-nom mire». Trudy i materialy / Otv. red. M. L. Remneva. M.: MAKS Press, 2016. S. 594–596.